

Уместно ли насилие при защите прав животных?

Немногие вопросы разделяют защитников прав животных больше, чем роль, которую насилие должно играть в способствовании их целям. Более того, немногие вопросы объединяют противников прав животных больше, чем осуждение насилия, которое некоторые приписывают без разбора всем защитникам прав животных. Защитник или противник, одна вещь является ясной: когда доходит до обсуждения прав животных и насилия, производится намного больше тепла, чем света.

Три важных вопроса следует различать. Первый: что такое насилие, второй – может ли насилие быть морально оправдано и если да, то когда, и третий – почему люди используют его. Относительно первого вопроса многие защитники прав животных утверждают, что насилие может быть направлено только против разумных форм жизни, человеческих и иных. До тех пор, пока никому не причинен вред, никакое насилие не совершено. Принимая этот путь понимания насилия, защитники, которые уничтожают только собственность, – скажем, забрасывают зажигательными бомбами лаборатории в университетских корпусах или топят суда, охотящиеся на китов пиратским способом в экстерриториальных водах – могут описывать себя как участвующих в ненасильственном активизме.

Я не думаю, что концепция насилия ограничена таким образом. Кто-то, кто поджигает пустующую клинику для абортотворения или пустую церковь, не причиняет никакого физического ущерба каким-либо способным чувствовать существам, но предположить, что эти действия являются ненасильственными, означает ужасно исказить то, что означает насилие. Мы не должны травмировать кого-либо, чтобы использовать насилие против чего-либо. В той степени, в какой защитники прав животных участвуют в действиях, которые повреждают или уничтожают собственность, они участвуют в насилии.

Часть причины, по которой некоторые защитники определяют насилие, так как они это делают, может быть прослежена до того, каким способом они отвечают на второй вопрос. Большинство защитников являются пацифистами: то есть большинство полагает, что насилие является неправильным. Поскольку некоторые из тех защитников, которые считают себя пацифистами, не думают, что будет неправильным взрывать грузовики, загруженные мехами или мясом, определение насилия скроено так, чтобы соответствовать требованиям пацифизма. Все насилие является неправильным: поскольку подрыв грузовика является неправильным, он должен быть насилием.

Правда, я думаю, является другой. Если кто-нибудь взрывает грузовик, поджигает лабораторию или топит судно, нелегально охотящееся на китов, он производит серьезное насилие, даже если никто не пострадал. Описывать эти действия как "ненасильственные"

означает неверно поступать так, как это делают военные, когда они описывают гражданское население, которое было убито или искалечено как "сопутствующие разрушения". Тем не менее, тот факт, что разрушение собственности считается насилием само по себе, не делает такое разрушение правильным. То, является ли такое действие неправильным, остается открытым вопросом, вопросом, на который нельзя ответить просто, апеллируя к тому, что означают слова. Ни на один другой моральный вопрос нельзя ответить таким образом.

Те люди, которые считают себя защитниками прав животных - и я, конечно, включая себя в их число - также рассматривают себя как часть движения социальной справедливости: движения за права животных. В этом отношении защитники прав животных полагают, что общие связи объединяют их с теми, кто работал ради справедливости в других областях: например, для женщин, цветных людей, бедных, и геев, и лесбиянок. Борьба за равные права для и среди этих людей едва ли завершена; борьба за права животных только началась, и эта последняя борьба обещает быть, как минимум, более трудной и длительной, чем любая из ее родственников в области социальной справедливости.

Борьба за права животных отличается тем, что она призывает к более глубоким, более фундаментальным изменениям в том, каким способом мы думаем о членстве в моральном сообществе. Она требует не расширения, а демонтажирования концепции только для людей, которая подлежит замене концепцией, включающую все живые существа.

Однако борьба за справедливость для шимпанзе и цыплят сталкивается с препятствиями более фундаментальными и уникальными.

Любое сомнение в этом отношении может быть легко рассеяно измерением безразличия и враждебности, вылитых на саму идею прав животных как многими из лидеров, так и большинством рядовых в любом движении прав человека, включая, например тех, кто предан справедливости и равенству для женщин и расовых меньшинств. Несмотря на эти различия, те из нас, кто был вовлечен в борьбу за права животных, должны помнить, что мы разделяем многие из вызовов, перед которыми стоят другие движения социальной справедливости. Я хочу исследовать аналогии между движением против рабства девятнадцатого века в Америке и сегодняшнем движении за права животных.

Перед тем, как сделать это, я хочу попробовать рассеять возможное недоразумение. Я никоим образом не предполагаю, что движение защиты прав животных и движение против рабства являются во всех отношениях одинаковыми

Когда речь идет о том, что людям морально разрешается делать то или иное по отношению к животным, можно говорить, что мнения разделились. Некоторые люди (аболиционисты) полагают, что мы должны прекратить использовать негуманоидных животных, будь это в качестве источника продовольствия, в качестве обученного исполнителя, или в качестве модели различных болезней. Другие (сторонники благополучия) думают, что такое использование является допустимым постольку, поскольку это делается гуманно. Те, кто принимает первое мировоззрение, возражает против такого использования в принципе и верит, что оно должно закончиться на практике. Те, кто принимает второе мировоззрение,

принимает такое использование в принципе и полагает, что оно может продолжаться на практике, при условии, что благополучие животных не ухудшается. Ясно, что реальные отличия разделяют эти два мышления, одно аболиционистское в своей сущности, а другое - нет.

Поскольку мы являемся пользователями языка, мы имеем общую потребность в понятных вербальных маркерах, каком-то слове или фразе, которая улавливает и передает эти различия. Именно на этом более широком фоне философских разногласий и лингвистической потребности были введены выражения "права животных" и "движение за права животных" с одной стороны, и "благополучие животного" и "движение за благополучие животных" с другой, где первая пара выражений обычно использовалась в отношении к аболиционистам, а вторая пара - к реформистам.

Именно среди аболиционистов, а не реформистов - среди сторонников прав животных, а не благополучия животных, мы находим тех, кто желает совершать акты насилия от имени освобождения животных. Тем не менее - и это очень важно - не все сторонники прав животных готовы заходить настолько далеко. То есть внутри движения за права животных можно найти глубокие, длительные, принципиальные разногласия относительно пределов протеста вообще и допустимости использования насилия в частности.

Аналогичные идеологические и тактические темы могут быть найдены в движении против рабства. Это движение было совсем не монолитным. Действительно, все аболиционисты разделяли общую цель: рабство в Америке должно было закончиться. За исключением согласия относительно этой объединяющей цели, их мнения разделились относительно средств его прекращения. Для моих целей будет достаточно ссылки только на три области разногласий.

Под лидерством Уильяма Гаррисона некоторые аболиционисты призывали к безоговорочному освобождению рабов, настаивая также, что прежние владельцы раба не должны получать компенсации за их финансовые потери. "Немедленники" (как они назывались), хотели прекратить рабство сначала, а затем идти вперед с различными планами обучать и другими способами готовить недавно освобожденных рабов к обязанностям полного гражданства. Другие аболиционисты выступали в пользу "постепенного" подхода: полное освобождение было возможной целью, но только после того, как различные альтернативы рабочей силе рабов и усовершенствования жизни рабов будут осуществлены. Таким образом, некоторые постепенники стремились к свободе рабов после (не до) того, как те в неволе получают, по крайней мере, начальное образование или приобретут нужные умения или после (не до) того, как план финансовой компенсации прежним владельцам раба, или другой план, призывающий к добровольной реколонизации, будет осуществлен.

Для "немедленников" любое предложение, которое требовало продолжения содержания в неволе некоторых рабов сегодня как цены за освобождение других рабов завтра было нравственно недопустимым, потому что это нарушало более высокий моральный закон: - закон о том, что мы не должны делать зло для того, чтобы получилось добро. Этот раскол между "немедленниками" и "постепенниками" в отношении рабства отражается в

сегодняшнем движении защиты прав животных. Некоторые люди, которые проповедуют веру в аболиционистские цели движения полагают, что эти цели могут быть достигнуты, используя постепенные средства, которые нацелены на то, чтобы уменьшать или рафинировать использование животных в научных условиях, с заменой, возможно достигнутой позже, или, уменьшением числа кур, выращиваемых в клетках сегодня как шаг по пути к опустошению клеток завтра. Таким образом, верят они, мы можем преуспеть как в том, чтобы сделать жизнь некоторых животных лучше сегодня, так и в том, чтобы прекратить всю эксплуатацию животных в будущем. Другие аболиционисты прав животных скроены скорее из гаррисоновской ткани. Для этих сторонников прав животных то, как мы достигаем аболиционистской цели, а не только то, что мы ее достигаем, имеет моральное значение,

Следуя более высокому моральному закону о том, что мы не должны делать зла, какое добро из этого ни следовало, эти активисты полагают, что они не должны молчаливо поддерживать нарушение прав некоторых животных сегодня в надежде на освобождение других завтра. Для этих активистов защиты прав животных первое обязательство состоит в том, чтобы прекратить использовать животных. Прекратить зло сейчас, а не потом - это то, чего требует соответствие более высокому моральному закону.

Вторая общая тема касается роли правительства. Движение против рабства опять же было резко разделено. В то время как Гаррисон и его последователи отказывались сотрудничать с правительством, другие настаивали на необходимости работать с избранными представителями; среди них, Фредерик Дуглас был бесспорно наиболее известным представителем.

Этот раскол между Гаррисоном, Дугласом и их последователями не был непредсказуемым. Это проявилось в альтернативных, хорошо-обдуманых чтениях Конституции Соединенных Штатов. Гаррисон читал Конституцию как документ, поддерживающий рабство. Чтобы видеть почему, вспомните, что чернокожие там рассматриваются как личности на три пятых, и (хотя международная торговля рабами должна была закончиться к 1808 году), никакого упоминания не делалось об освобождении любого из тех рабов, которые уже были в Америке; и что многие из создателей Конституции сами владели рабами (Вашингтон и Джефферсон, в память которых внушительные монументы стоят в столице нашей страны, были в числе рабовладельцев молодой нации). Чтобы освободить рабов, утверждал Гаррисон, вначале необходимо распустить Союз. Дуглас, который на какое-то время соглашался с позицией Гаррисона, был готов действовать по-другому. В то время как Гаррисон упорно утверждал, что Конституция представляла собой документ, поддерживающий рабство, факт, который сделал американское правительство само по себе морально неподтвержденным, Дуглас поддеживал Союз (например, вербуя два полка свободных чернокожих, чтобы сражаться в Армии Союза во время гражданской войны). Для Дугласа рабство должно было и могло быть прекращено только с использованием военной силы и власти закона федерального правительства. Конституция не содержит неоднозначного языка относительно негуманоидных животных, который мог бы вызвать раскол среди сегодняшних защитников прав животных, подобный расколу между Гаррисоном и Дугласом. Коровы и свиньи, шимпанзе, дельфины и белки - все являются полностью неличностями, поскольку речь идет о Конституции. Вера Дугласа в роль

правительства представлена теми защитниками прав животных, которые обращаются к правительственным законам, механизмам реализации и судам как к существенным элементам в реализации аболиционистской цели, ради которой они работают. Напротив, презрение Гаррисона к правительству отражается сегодняшними активистами защиты прав животных, которые потеряли веру в прогрессивную роль, которую действующие или ожидаемые законы, механизмы реализации или судебные процедуры могли бы играть в борьбе за животное освобождение. Для этих активистов правительство не только исторически укоренено и конституционно привержено идеологии видового шовинизма, но также и ежедневно подвержено влиянию мощных особых интересов, которые увековечивают практики видового шовинизма как само собой разумеющиеся. Эти активисты рассматривают правительство как часть проблемы, а не часть решения.

На протяжении большей части своей жизни Дуглас, подобно огромному большинству аболиционистов, одобрял только ненасильственные формы действия: мирные ассамблеи, митинги, раздачу брошюр и других материалов, показывающих тяжелое положение рабов, и петиции - меры, которые определялись как "моральное уговаривание". Людей следовало убеждать, что рабство является неправильным и должно быть отменено посредством апелляции к их разуму, их чувству справедливости и их человеческому состраданию, а не принуждаться к согласию посредством насилия или запугивания.

Не все аболиционисты соглашались с этим. Дэвид Уокер был одним из них; свободный черный из Вирджинии, Уокер призвал к восстаниям рабов. "Убивайте или будьте убитыми", - выкрикивал он. Считают, что его «Призыв», впервые изданный в 1829 году, повлиял на Ната Тернера, когда тот планировал свое кровавое восстание в Саутгемптоне, Вирджиния. Джон Браун был еще одним, кто не соглашался. Его легендарный рейд на Харперс Ферри разделил нацию. Заинтересованные в рабстве южане в один голос осудили его банду террористов даже при том, что многие аболиционисты, включая Генри Дэвида Торо, рассматривали те же самые действия как благородные и вдохновляющие. "Браун, - отмечает Торо - "имел специфическую доктрину, что человек обладает полным правом мешать силой рабовладельцу, чтобы спасти раба". И каково суждение Торо? "Я согласен с ним". Хотя рейд капитана Брауна стал военным бедствием, его призыв к оружию был предзнаменованием грядущих вещей, и его последние слова, написанные как раз перед казнью, оказались пророческими: "Я, Джон Броун, теперь убежден, что преступления этой виновной земли не могут быть отмыты кроме как кровью". Меньше чем через год страна оказалась в состоянии войны сама с собой.

По этому вопросу сегодняшние защитники прав животных твердо присоединяются к Гаррисону и Дугласу. Зло в форме насилия не должно причиняться никакому человеческому существу, даже в стремлении к освобождению животных. Этот запрет насилия по отношению к человеку и другим формам разумной жизни, однако, не обязательно распространяется на собственность. Большинство противников рабства понимало это. Если стоимостью освобождения раба была поврежденная, разрушенная или в случае самих рабов украденная собственность, то Гаррисон, Дуглас и большинство (но не все) их собратьев-аболиционистов были готовы принять такое насилие.

Тот же самое верно в отношении многих из сегодняшних защитников прав животных. Позвольте мне быть совершенно честным. Некоторые защитники прав животных полагают, что насильственные действия против собственности, осуществляемые от имени освобождения животных, также как освобождение самих животных (воровство собственности, учитывая действующий закон) являются совершенно оправданными. Другие защитники прав животных не соглашаются, полагая, что принципиальная приверженность "высшему моральному закону" отказа от насилия должна поддерживаться даже в обращении с собственностью.

Здесь мы приходим к вопросу о том, что должно заставить всех людей доброй воли остановиться. Мое собственное скромное предложение является следующим. Хотя подобные Гарриону аболиционисты не могут поддерживать реформистских мер, они могут поддерживать растущие аболиционистские изменения - изменения, которые связаны с прекращением использования негуманоидных животных для той или иной цели. Одной из целей, например, могло бы быть не меньшее количество животных, используемых в косметических или промышленных тестах, а неиспользование никаких животных для этой цели.

Общая повестка могла бы сформулировать задачи, по поводу которых аболиционисты прав животных, ученые, формирующего политику, и исследователи биомедицины могли договариваться и работать в сотрудничестве. Это продемонстрировало бы, что возможно достигать все больших аболиционистских целей, действуя ненасильственно в пределах системы.

Версия #1

Зверобой создал 21 апреля 2025 03:32:02

Зверобой обновил 21 апреля 2025 03:32:27